

Одни считают ее яркой индивидуальностью, актрисой, которая может сыграть все. Другие отторгают ее гротескную манеру игры. Одни считают ее крайне женственной и эротичной, другие и эти качества обращают в противоположность. За ней, с одной стороны, закрепились молва актрисы с плохим характером. А с другой — многие режиссеры хотят заполучить ее к себе в новую постановку или новый фильм.... Как и всякая талантливая женщина, Татьяна ВАСИЛЬЕВА, безусловно, может быть разной. Но меняясь, она не теряет того светлого начала, что заложено в ней природой.

— Татьяна, в конце прошлого года, в день рождения Марии Каллас, состоялась премьера спектакля «Мастер-класс» с тобой в роли этой великой певицы. Знаю, что ты влюблена в эту роль и очень хотела сыграть ее. Чем тебя так взволновала судьба этой женщины?

— Поначалу привлекла не столько роль, сколько понравилась пьеса. Естественно, теперь я уже люблю эту роль. Это гениальная певица и женщина в самом высоком смысле этого слова. Не знаю, родится ли когда-нибудь еще такая. Я еще раз убедилась, что Бог никогда не дает всего. Либо ты гений, либо можешь рассчитывать на женское счастье. Одно из двух. Она допустила большую ошибку, но ей очень хотелось любви, любви человека, достигаемого для очень немногих женщин, — будущего миллиардера Онасиса. Она полюбила именно его. И именно он был нужен ей. И именно от него она хотела ребенка. А он ею пользовался. Это, в общем-то, типичная история. Пользовался для того, чтобы проникнуть в высший свет, бывать в тех кругах, в которых бывать ему никогда не светило. А Мария Каллас была почитаема и принимаема таким высшим светом, выше которого и быть не могло. Она и с королевой английской была на дружеской ноге, и с самим

ВЛЮБЧИВЫЕ УМЕЮ ДРУЖИТЬ

С ПАРТНЕРОМ ПО СЦЕНЕ НЕ СТОИТ ЗАВОДИТЬ РОМАН. В ЭТОМ УВЕРЕНА АКТРИСА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВА

Черчиллем. Ну а когда эта великая женщина преподнесла ему правду, сказав, что хочет родить ребенка, он ее бросил. Она сделала аборт. И после этого уже никогда не могла стать матерью. Я ее очень хорошо чувствую. И это... Очень во многом про меня. Говорят, у Каллас был ужасающий характер. Я вполне это допускаю. Ей можно многое простить...

— До этой работы ты целых три спектакля сыграла вместе с Валерой Гаркалиным. Это, наверное, рекорд по столь прочным творческим отношениям в антрепризе...

— Да, Валера Гаркалин — мой постоянный партнер. Он очень глубокий, очень умный, тонкий. Я его люблю и не знаю, как это выразить другим словом. Думаю, что слова выше, чем «люблю», нет. Я его люб-

лю всего, такого, какой он есть. Я не знаю, за что мне такой подарок от жизни достался. Мне многие говорят: «Ну сколько ты можешь с ним играть? Прекращай, уже все знают, что от вас ждать. Бери какого-нибудь другого партнера». Но я не могу ни на кого его променять. Ведь были Миранова с Менакером. Я нас не сравниваю совершенно, потому что мне это и не нужно, но тем не менее они были нераздельны. Настоящих мужчин-актеров вообще не так много. Валера — настоящий. Я всегда знаю, что хочу с ним встретиться. Если у меня тяжелый день, но я вспоминаю, что предстоит репетиция с Валерой, мне сразу становится легче. У нас много планов на будущее.

— Ты допускаешь, скажем так, лирические отношения между партнерами по спектаклю?

— Между партнерами на сцене, в кино желательны хорошие отношения, но в любовные лучше не входить, потому что они обязательно закончатся и тогда, наоборот, может начаться конфликт. Конечно, я тоже влюблялась в своих партнеров, но чаще всего не доводила это до романа, чтобы их не потерять. К тому же, почти все настоящие романы среди партнеров никогда не вырастали ни во что серьезное. Кроме того, я никогда не могла бы увести человека, который мне понравился, из его семьи. Для меня это совершенно исключено. Я думаю, у меня голова управляет эмоциями, хотя по натуре я очень влюбчивая.

Эта черта с возрастом не проходит, но можно спокойнее смотреть на все, потому что другие проблемы прибавляются. На увлечения остается все меньше и меньше времени и настроения. Но и

сейчас, когда я репетирую, обязательно начинаю влюбляться. А потом вступают в силу совсем другие законы. И они делают нас друзьями. Особенно если это удачный спектакль.

— Ты умеешь дружить с мужчинами?

— С мужчинами я очень хорошо дружу. Это самые ценные отношения. Самые долговечные.

— Свой уход из театра «Школа современной пьесы» ты объясняла тем, что очень устала и теперь стала экономить свои силы...

— Действительно, я просто устала там. Но не только от количества ролей. Просто играла то, что не хочу играть. Работы же у меня не уменьшилось. Я много езжу. Я боюсь остаться без работы. Настолько, что боюсь от чего-то отказаться. Испытываю такой священный ужас.

— При такой насыщенной творческой жизни и куче забот ты в состоянии отгородить себя от стрессов, сделать так, чтобы отрицательное не проникало в глубь души?

— Для меня уже давно определено, что заслуживает внимания, что — нет. Понятно, на что я могу реагировать, а на что не имею права. Организм уже срабатывает автоматически. Когда человек ведет себя глупо, я могу указать ему его место. Такие случаи были. Но я бываю бессильна перед хамством и беспричинной злобой. Вот к этому мне трудно привыкнуть, хотя это есть, было и всегда будет. Но к этому нельзя себя приучить.

— Мы с тобой не первый раз говорим перед спектаклем. И я не знаю, не вижу: волнуешься ты или нет?

— Когда спектакль идет несколько лет, ты спокойнее себя чувствуешь, но все равно перед самым выходом на сцену волнуешься. А в антрепризе у меня гиперболизировалась ответственность. Здесь я взяла на себя ответственность за режиссера, за все. Здесь ты в ответе за то, придут к тебе завтра зрители или нет. От того, что скажут зрители о вчерашнем спектакле другим, зависит моя жизнь.

